

то подчиняющее зрителя начало, которым он живет, о котором он думает и с думой о котором он уходит из театра, едет за тысячи верст, эта дума покоится в нем на протяжении десятков лет. Приемы воздействия театра как бы переделывают зрительскую психологию, но они бросают зрителя в жизнь перерожденным.

Художественный театр, потому что он лицо—личность, не может не перекликаться с окружающей действительностью. И он всегда был таков, это его манера, это его основная черта—жить и нагибаясь приникать ухом к земле, как пастух слушает землю и узнает, не ускакала ли лошадь, как можно прислушиваться к пульсу, как можно прислушаться к внутренней музыке своего существа. Это прислушивание к шевелящейся мысли, к каждому внутреннему толчку, великое мастерство Художественного театра. Живая жизнь, к которой он все время прислушивается, разворачивается на его сцене. Когда мы смотрели в свое время Штокмана, мы слышали, как перекликался Штокман с русским обществом. Когда мы слушали Брандта, мы слушали, как он перекликался со своими современниками. Слушали Юлия Цезаря, и театр знал, что спектакль перекликается с русской действительностью. Слушали Катерину Ивановну и знали, с чем перекликается театр. Спектакль Художественного театра перекликался с жизнью. Есть глухие, ибо не все одинаково слышат, и наоборот, есть обладающие болезненным слухом, таким людям мешает, когда бежит таракан, которого нормальный человек может и не услышать. Когда наступила русская революция, Художественный театр показал свой отклик на нее.

Его умение перекликаться, умение слушать, быть действительно живым лицом, которое своими глазами впивается хотя бы в тьму будущего, чтобы увидеть наступающую зарю, это—необычайная зоркость, необычайная талантливость театра.

И вот основоположники театра и молодые, выходящие изнутри театра артисты, рождающие нового зрителя, ищут путей показать внутренний образ революции и лицо новой России. И Художественный театр это может показать блестяще, потому что всю свою жизнь рисовал внутренний образ своей страны.

III. ЗРИТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Речь Н. Л. Бродского.

В моих руках справка, полученная сегодня от Художественного театра, о посещаемости Художественного театра московскими зрителями. Справка неполная, только от 1919 года по сезон 1927/28 г. И вот оказывается, что за эти годы в Худ. театре сидело 2.500.000 зрителей. Если прибавить количество зрителей первых десятилетий, за 1928/29 г., если прибавить зрителей первых петербургских гастролей и гастролей в революционную эпоху, если взять еще театральные

экскурсии по провинции, то наберутся поистине миллионы зрителей. И какая пестрота, какое разнообразие типов этих зрителей! Вне всякого сомнения, сегодня мне не удастся нарисовать всю пестроту этой массы разнообразных типов нашего русского зрителя.

Должен сказать сразу, что я никогда так не чувствовал бессмыслицы термина „зритель“, как в применении его к Худ. театру, ибо в Худ. театре если есть равнодушный зритель, так это заведомый враг Худ. театра. Все же остальные — это не зрители, это не созерцатели, это активные участники того действия, которое совершается на сцене. Когда я буду говорить о зрителях, прошу вас иметь в виду всю условность этого термина в отношении к данному театру.

В частности, располагая личным опытом за 28 лет, я могу сказать, что на всех спектаклях, на которых мое поколение бывало, поколение Москвы в синих студенческих фуражках, мы никогда не были зрителями, мы всегда были активными участниками, всегда испытывали на себе действие сценического гипноза, шедшего оттуда, из той освещенной половины к нам в неосвещенную половину. Мы не знали различия между сценой и зрительным залом, перед нами неслась творческая реальная жизнь. Творчество актеров-мастеров лишь наиболее заостряло то, что уже было предметом наших самых затаенных настроений, наших чувств, ибо новые веяния в среде этой молодежи жившей в 900-х годах, питали то общественное возбуждение, о котором нужно поговорить более подробно, ибо в этой общественной атмосфере и зародился наш театр. Только всмотревшись в некоторые факты эпохи перед началом Худ. театра, можно понять, почему он стал таковым и не мог стать иным.

Это были годы во многом примечательные. Во многих статьях, написанных к юбилею Худ. театра, говорится о том, что в эти годы в общественной жизни происходила реакция, что типичными были люди, которым было не по себе, что они были как-то странно подавлены, были какими-то вялыми. Это все не верно. Может быть такими были наши деды, наши отцы, но то поколение, к которому принадлежу я, то поколение, которое создало Худ. театр, в силу своей внутренне-социальной эволюции не было таким; то поколение, когда зарождался Худ. театр, было поколением не деревенских усадеб и усадебных настроений, а было поколением урбанистичным, городским. Об этих городских настроениях прекрасно говорили некоторые современники:

„У нас в Москве, даже зимой, даже ночью нет тишины. Жизнь миллиона людей пробивается сквозь стены на улицу, и вечный неуловимый шорох ли, трепетание ли, вздохи ли проносятся в пространстве и делают его живым и беспокойным. Войдите поздней ночью в какой-нибудь глухой переулок, станьте неподвижно и закрыв глаза, и вы услышите дыхание бесчисленных грудей, биение сердец, шорох и во сне работающей мысли“.